

МАТТЕО
СТРУКУЛ

МЕДИЧИ

ВЛАДЫКИ ФЛОРЕНЦИИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
С 87

Matteo Strukul
I MEDICI: UNA DINASTIA AL POTERE
Copyright © Newton Compton editori s.r.l., 2016
I MEDICI: UN UOMO AL POTERE
Copyright © Newton Compton editori s.r.l., 2016
All rights reserved

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства BAROR INTERNATIONAL, INC.,
Armonk, New York, U.S.A.

Издательство выражает благодарность
литературному агентству Nova Littera
за содействие в приобретении прав.

Перевод с итальянского
Светланы Воловик, Ирины Аванесян

Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

ISBN 978-5-389-30135-1

© С. Б. Воловик, перевод, 2026
© И. М. Аванесян, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА

Написание исторической тетралогии, такой как эта, предполагает, как легко можно понять, безумное и отчаяннейшее, как сказал бы Джакомо Леопарди, изучение материала, потому что каждая деталь, каждая сцена, каждая характерная черточка и традиция той эпохи должны быть изучены, обдуманы и реконструированы задолго до того, как их можно будет облечь в слова.

Не будет излишним напомнить, что рассказ о деяниях Медичи влечет за собой, учитывая временные рамки, повествование о периоде, включающем в себя почти три сотни лет: с начала XV века и до XVIII века; и это только то, что касается эпохи, когда Медичи правили во Флоренции, иначе хронологические рамки были бы намного шире.

Этот факт определил неизбежный выбор: первый роман посвящен фигуре Козимо Старшего (Cosimo il Vecchio), второй — Лоренцо Великолепному, третий — Катерине Медичи, королеве Франции, четвертый — Марии Медичи, первой королеве-консорте Франции.

Придерживаясь подобного подхода к рассмотрению событий, я счел уместным избрать форму повествования, разбитую на картины. Это показалось мне единственной возможностью, позволяющей охватить большой промежуток времени, не опасаясь потерять нить изложения.

Сюжетная линия этой серии книг строилась на внимательном и неоднократном прочтении «Истории Флоренции»

Никколо Макиавелли («Istorie Fiorentine» di Niccolo Machiavelli) и «Истории Италии» Франческо Гвиччардини («Storia d'Italia» di Francesco Guicciardini). Выбор был продиктован желанием придерживаться летописей, позволяющих максимально приближенно передать язык, настроение и дух времени. К этому послужившему отправной точкой подходу я добавил, чтобы подкрепить и оживить мои рассуждения видами площадей и куполов, соборов и дворцов, несколько «паломничеств» во Флоренцию — потому что это место и есть История.

И к слову о куполах: только первая глава, в которой речь идет о строительстве чуда ренессансной архитектуры, купола Санта-Мария дель Фьоре, работы над которым возглавлял Филиппо Брунеллески, потребовала тщательнейшего и глубокого изучения. Среди многочисленных монографий, к которым я обращался, упомяну работы Эудженио Баттисти «Филиппо Брунеллески» (Нью-Йорк, 1981) и Росса Кинга «Собор Брунеллески. История великого флорентийского собора» (Нью-Йорк, 2000).

То же самое я мог бы сказать и о сражении при Ангьяри, еще один безусловно важный отрывок, описанный в первой книге, посвященной восхождению к власти Медичи. Признаюсь, я позволил себе здесь некоторую свободу, и вам при желании не составит труда узнать, в чем она состояла; это, наверное, единственная вольность, допущенная мною по отношению к истории. С другой стороны, автор должен же и придумывать что-то, и именно в этой смеси правдоподобия и *inventio*¹ заключается совершенно особенная магия, свойственная историческому роману.

В любом случае военные техники и некоторые батальные сцены битвы при Ангьяри реконструированы автором очень тщательно и в строгом соответствии с источниками. Среди монографий, к которым я обращался, хотелось бы отметить Массимо Предонацци «Ангьяри 29 июня 1440 года. Сраже-

¹ Выдумка (лат.).

ние, иконография, наемные войска, геральдика» (Сан-Марино, 2010).

Еще одним ключевым вопросом было изучение наемных войск и особых отношений, связывающих в эпоху Возрождения господ и наемных капитанов. Военное ремесло, цитируя Эрманно Олми, было широко распространенным и прибыльным в то время, по крайней мере для тех, кто обладал достаточной смелостью и беспринципностью, меняя хозяев. И в этом отношении для меня имела фундаментальное значение книга Гимела Адара «Истории о мерсенариях и капитанах удачи» (Женева, 1972).

Кроме того, должен подчеркнуть, что вряд ли бы мне удалось дуэльные и батальные сцены без изучения учебников по историческому фехтованию и в особенности книги Джакомо ди Грасси «Принципы безопасного использования оружия как для атаки, так и для нападения; использование приемов фехтования и методов самостоятельной тренировки для обретения силы, умения принимать верные решения, ловкости и быстроты» (Венеция, 1570) и Франческо ди Сандро Алтони «Дуэль. Трактат об искусстве фехтования» (ред. Алессандро Ваттистини, Марко Рубболи, Якопо Винни; Сан-Марино, 2007). Что не помешало мне добавить к традиции немного современных ноток, поэтому термины использованы не всегда в своем привычном значении. Надеюсь на ваше снисхождение и прощение.

Также и в части того, что касается временной последовательности моей подачи: я предпочел прибегнуть к приему *cosmesi*¹, жертвуя иногда точностью для облегчения чтения и понимания... однако, надеюсь, читатель простит мне эти небольшие огрехи.

¹ Украшения (*ut.*).

К Н И Г А 1

ВХОЖДЕНИЕ
ВО ВЛАСТЬ

ФЕВРАЛЬ

1429

1

Санта-Мария дель Фьоре

Он устремил взор в небо. Казалось, там рассыпали лазуритовую пыль. На мгновение ощутил, как мысли начинает вытеснять стремительно подступающее головокружение. Опустил голову, огляделся. Его внимание привлекли каменщики: они готовили раствор для кладки, смешивая известь с белым песком реки Арно. Некоторые, примостившись на устроенных между внутренним и внешним сводами перегородках, на скорую руку завтракали. Трудились на износ, от зари до зари, нередко мастерам случалось проводить на стройке дни и недели напролет и спать посреди строительных лесов, мраморных плит, кирпичей и кусков штукатурки.

Более чем в сотне локтей от земли.

На деревянных мостках, похожих на черные острые зубы сказочного чудовища, Козимо появился неожиданно. Передвигался он осторожно, внимательно следя за тем, чтобы не оступиться. Когда-то, в самом начале работ, этот непривычный вид сверху на такой знакомый город завораживал его, ошеломлял.

Он медленно приблизился к основанию строящегося купола — барабану, как его называли архитекторы и старшие над мастерами. Окинул взглядом площадь у собора: собравшиеся там жители Флоренции, вытаращив от изумления глаза, разглядывали Санта-Мария дель Фьоре. Чесальщики,

торговцы, мясники, крестьяне, женщины легкого поведения, трактирщики, странствующий люд — все они словно застыли, вознося в небеса немую молитву, дабы проект Филиппо Брунеллески наконец воплотился. Долгожданный купол уже начинал обретать форму, и преуспеть в этом, наверное, мог лишь этот безумный золотых дел мастер с залысынами, гнилыми зубами и взрывным темпераментом.

Козимо увидел его: тот, словно неприкаянный, бродил среди нагромождений строительных материалов и сложенных столбиком кирпичей — погруженный в свои мысли, с почти отсутствующим взглядом, однако на самом деле во власти никому неведомых вычислений и расчетов. Лицо его лучилось: глаза были такие светлые, что походили на капли алебастра, искрившиеся на белой, забрызганной краской и строительной крошкой коже.

Из этого часто случавшегося состояния отрешенности зодчего вывела песнь молотков. Это не покладая рук трудились кузнецы. Отовсюду доносились голоса, раздающие советы и указания. Козимо глубоко вдохнул, перевел взгляд вниз, к основанию восьмиугольной конструкции. Там, не останавливаясь, крутилась вокруг своей оси придуманная Филиппо Брунеллески гигантская лебедка. Приводили ее в движение два вола на цепи. Ведомые молоденьким подмастерьем, они флегматично и беззвучно шествовали по кругу и этим вращательным движением запускали в действие зубчатые колеса и шестеренки, что находились в центральной части лебедки, и таким образом отрывали от земли тяжеленные каменные плиты, поднимая их на такую высоту, куда иным способом доставить их было бы совершенно невыносимо.

Брунеллески изобрел удивительные машины, спроектировал их, пригласил лучших мастеров и, не давая им отдыха, получил целый арсенал невиданных доселе механизмов, благодаря которым можно было поднимать и перемещать в точно заданные места мраморные плиты, части деревянных ре-

бер и «цепей» для устройства поперечных колец, десятки мешков с песком и известковым раствором.

Козимо, наблюдавшему за размахом и слаженностью работ, хотелось крикнуть во всю мощь легких — дать выход радости и удовлетворению. Никто прежде и помыслить не мог о подобном восьмигранном куполе, никто! Перекрыть пространство длиною в шестьдесят два локтя уже казалось чудом, а здесь пролет, над которым возводили спроектированную Филиппо конструкцию, был еще больше, да и к тому же не имел каких-либо видимых опор. Никаких внешних контрфорсов, ни встроенного деревянного каркаса, как предлагал его предшественник Нери Фьораванти. В Опера-дель-Дуомо¹, заказавшей строительство купола, увидев проект, от изумления открыли рты.

Брунеллески был гением или безумцем. Хотя, может, и то и другое. А Медичи приняли с распростертыми объятиями и его гениальность, и его безумие! И первым — Козимо. Он улыбнулся при мысли об этой своей отчаянной смелости и подумал, что возведение сего величественного свода станет значимым событием не только для города, а и лично для него. И, судя по тому, что происходило наверху, было от чего прийти в безудержный восторг, особенно наблюдая, как с каждым днем восьмигранная громада тянется ввысь, — что-то вроде сошедшей с ума Вавилонской башни, меж платформ и помостов которой суеилось бесчисленное множество мастеров: возчики, каменщики, канатчики, плотники, кузнецы, а еще трактирщики, что подвозили вино, и даже повар: он выпекал здесь же свежий хлеб — его раздавали во время коротких перерывов рабочим. Некоторые сейчас взбирались по подвешенным деревянным лесам, другие трудились на плетеных ивовых платформах, которые, возвышаясь над крышами окрест-

¹ *Опера-дель-Дуомо* (Opera del Duomo) — соборная мастерская, она же строительная комиссия, основанная Флорентийской республикой в 1296 г. для надзора за строительством нового собора и его колокольни. Дуомо — главный собор города. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ных домов, казались птичьими гнездами — словно люди просили аистов помочь им воплотить в жизнь сие грандиозное творение.

— Что скажете, мессер Козимо?

Тонкий, но твердый голос принадлежал Филиппо.

Козимо почти рывком обернулся и оказался лицом к лицу с худым, похожим на призрак Брунеллески. Глаза его лихорадочно блестели; из одежды — только красная туника. Взгляд беспокойный — смесь гордости и враждебности, свидетельствующие о бунтарском и взрывном характере, — который тотчас же смягчился, как только гениальный зодчий видел перед собой человека выдающегося ума.

Козимо не знал, относил ли его самого Брунеллески к этой когорте, однако то, что он являлся старшим сыном Джованни Медичи, родоначальника семьи, которая без каких-либо условий поспособствовала финансированию и строительству купола и более других благоволила кандидатуре зодчего, сомнению не подлежало.

— Хочу внести ясность: до завершения еще далеко. Самое главное, мессер, — дабы мне было дозволено работать.

— Пока среди главных меценатов этого чудо-купола будут Медичи, тебе ничего не грозит. Вот тебе мое слово, Филиппо. Вместе начали, вместе и закончим.

Брунеллески кивнул:

— А я уж постараюсь выполнить купол как предусмотрено проектом — согласно классическим архитектурным канонам.

— Не сомневаюсь, друг мой.

Взгляд Филиппо, пока он разговаривал с Козимо, блуждал по сторонам: с каменщиков, которые готовили раствор и укладывали один на другой кирпичи, переходил на кузнецов, чьи молотки стучали без усталости; даже возчики, что внизу, на площади перед собором, перевозили на телегах мешки с известью, не ускользали от его внимания. В левой руке зодчий сжимал листок пергамента с одним из многочислен-

ных подготовительных чертежей. В правой руке — долото. Кто знает зачем и что у него на уме.

Но таков уж он был.

Брунеллески, кивнув на прощание, так же внезапно, как появился, скрылся между деревянными балками и внутренним куполом, словно это колоссальное и беспокойное творение, пышущее жизнью и фонтанирующее энергией, поглотило его. А Козимо теперь мог видеть лишь внушительных размеров деревянные арки и слышать голоса, сопровождавшие подъем очередного груза лебедкой.

Вдруг за его спиной раздался резкий, срывающийся от волнения голос:

— Козимо!

Он, опершись об опоры помоста, обернулся и увидел, как к нему приближается его брат Лоренцо.

Козимо не успел даже поздороваться с ним.

— Козимо, наш отец умирает.

2

Смерть Джованни де Медичи

Едва он переступил порог комнаты — к нему, со следами слез на прекрасных темных глазах, устремилась Контессина. На ней было надето простое черное платье и тонкая, почти невесомая вуаль.

— Козимо... — прошептала она, оборвав фразу на полуслове, словно все силы ей приходилось употреблять, чтобы сдерживать плач. Ей хотелось быть сильной для любимого супруга. И у нее это получилось. Козимо обнял ее.

Через мгновение она высвободилась из объятий.

— Иди к нему, — произнесла, — он тебя ждет.

Козимо повернулся к Лоренцо и, первый раз за день, посмотрел ему прямо в лицо. С той минуты, как они спустились по строительным лесам к основанию собора Санта-Мария

дель Фьоре и потом стремглав неслись к Виа Ларга, где над окрестными домами гордо возвышалась крыша палаццо Медичи, брат находился рядом.

Лоренцо кусал белоснежными зубами губы. Козимо видел, как он подавлен. И как невероятно хорош собой: казалось, обстоятельства не властны над его красотой, однако сейчас лицо брата омрачала печать страдания, а под бездонными зелеными глазами залегли темные круги. Ему не мешало бы отдохнуть, пронеслось в голове у Козимо. В последние дни, когда отец занемог, Лоренцо, не щадя сил и времени, взвалил на себя все заботы о банке. Человек деловой и прагматичный, не очень расположенный к искусствам и философии, однако с умом, бесспорно, живым и находчивым, при любой нужде он, нимало не колеблясь, брал на себя все семейные заботы и хлопоты. Козимо же, вместе с Опера-дель-Дуомо целиком посвятил себя куполу, возводимому над собором Санта-Мария дель Фьоре: следил за строительством и ходом работ. В семье ему отводилась роль стратега и политика; и в том и в другом он в полной мере проявлял себя щедрым меценатом и ценителем искусств. И хотя заказ на сооружение купола был совместным и, строго говоря, относился к ведению сугубо Опера-дель-Дуомо, вряд ли во Флоренции нашелся бы хотя один житель, который не знал, с каким жаром Козимо поддержал, а потом и всячески содействовал победившему в конкурсе Филиппо Брунеллески. Именно Козимо щедро выделял семейные средства, дабы финансировать сие совершающееся на глазах у всех чудо зодчества.

Козимо обнял брата.

Вошел в опочивальню.

Стены комнаты были обиты темной парчой. Тяжелые шторы на окнах задернули, так что контуры предметов едва различались в слабом и тусклом свете. Лишь блики от золотых подсвечников выделялись яркими пятнами. В воздухе стоял удушливый запах оплавившихся свечей.

Увидев потухший взгляд отца, его затуманенные смертью глаза, Козимо ясно осознал, что поправить уже ничего нельзя.

Джованни де Медичи, человек, благодаря которому семья оказалась на самой высокой ступени в городской иерархии, покидал этот мир. Его лицо, всегда такое решительное и непреклонное, казалось, внезапно накрыла серая, невесомая пелена слабости — бесплотная тень осознанного смирения, делавшая Джованни совсем непохожим на того властного человека, каким его знали. Именно это поразило Козимо более всего. Он не мог поверить в то, что лихорадка могла так скоротечно и с такой жестокостью поразить всего несколько дней назад сильного и полного решимости отца.

Посмотрел на мать: она сидела рядом с умирающим, держа его за руку. И хотя страдание наложило отпечаток на ее неброскую миловидность, Пиккарда была по-прежнему хороша собой: длинные черные ресницы с переливающимися на них, будто жемчужинки, слезами, плотно сжатые, алые, словно окровавленное лезвие кинжала, губы.

Она прошептала его имя и умолкла — такими бесполезными казались ей любые слова.

Козимо перевел взгляд на отца и вновь задумался о настигшей того так внезапно и без какой-либо видимой причины болезни. А блуждающий взор Джованни остановился наконец на сыне, словно он только сейчас заметил его присутствие; в глазах мелькнули непокорные искорки. Даже ослабленный недугом, отец не желал сдаваться. Именно в это мгновение отличавшая его твердость духа придала ему, пусть даже в последний раз, сил. Опершись на локти и тяжело дыша, Джованни приподнялся и сел на постели, откинувшись на пуховые подушки, которые заботливо подоткнула ему под спину Пиккарда.

Козимо, давший себе клятву быть сильным, когда подойдет роковой час, не смог сдержать слез. Однако, устыдившись своей слабости, вытер глаза тыльной стороной ладони.

Приблизился к отцу.

Перед тем как оставить этот мир, Джованни хотел дать последний наказ. Он почти вплотную придвинулся к Козимо.

Старший Медичи не сводил темных глаз с сына. В бликах дрожащего света свечей погруженной в полумрак комнаты они сверкали, будто пуговицы из оникса.

Голос патриарха, когда он заговорил, звучал глухо и мрачно, словно тревожные раскаты далекого грома:

— Сын мой, обещай, что не посрамишь меня на политическом ристалище. Что жить будешь в сдержанности. Как простой житель Флоренции. Однако что в нужный час тебе достанет твердости действовать, как должно.

Слова слились в единый поток, и все же Джованни, собрав оставшиеся в эти последние мгновения земной жизни силы, произнес их отчетливо и ясно.

Козимо посмотрел в глаза отца, утонув в его темных, сверкающих зрачках.

— Обещай мне, — теряя силы, настойчиво повторил Джованни. Его пронизывающие насквозь глаза, казалось, хотели подчинить взгляд сына, а изгибы плотно сжатых губ подчеркивали исполненное решимости и серьезности выражение его лица.

— Обещаю, отец, — прерывающимся от волнения голосом без тени колебаний ответил Козимо.

— Теперь я могу умереть с миром.

Вымолвив последние слова, Джованни закрыл глаза. Скорбные складки на лице наконец разгладились — слишком долго длился этот поединок со смертью, пока он ждал своего обожаемого сына, дабы передать ему свой наказ.

В котором заключалось все, чем он жил и дышал: преданность своему городу и народу, умеренность и сдержанность в быту — богатств и возможностей безграничных напоказ не выставлял — и, конечно же, упрямая, а порой безжалостная решимость.

Рука его сделалась холодной; а Пиккарда разразилась рыданиями.

Джованни де Медичи оставил этот бранный мир.

Козимо обнял мать. Почувствовал, как она слаба и беззащитна. По лицу его покатались слезы. Потом, нашепывая ей тихонько слова поддержки, разомкнул объятия, приблизился к отцу и закрыл ему глаза, навечно погасив еще недавно пламенеющий, полный жизни взгляд.

Лоренцо послал за священником, дабы тот совершил последний обряд.

Потом, увидев, что Козимо выходит, последовал за ним. Казалось, он никак не мог решиться заговорить с братом: боялся побеспокоить, однако Козимо сам кивнул ему, показывая, что готов выслушать.

— Говори, что за неотложные дела у тебя?

— По правде говоря, речь идет о нашем отце.

Козимо удивленно поднял брови.

— Я подозреваю, что его отравили, — так, чтобы никто из окружающих не услышал, произнес Лоренцо.

Это внезапное откровение поразило Козимо, словно удар молотом.

— Что? Как ты смеешь утверждать такое? — схватив Лоренцо за ворот, произнес он.

Тот, предвидя подобную реакцию, сжал его руки.

— Не здесь, — произнес он, понизив голос.

Козимо тотчас сообразил. Он вел себя словно незрелый юнец. Отпустил брата.

— Выйдем, — бросил коротко.

3

In cauda venenum¹

Воздух в саду был еще прохладным.

На календаре — двадцатое февраля, и, хотя уже близилась весна, казалось, что небо не желало расставаться со сво-

¹ Яд в хвосте (*лат.*) — неожиданный и неприятный поворот событий.

им мрачным нарядом, а в порывах стылого ветра над палаццо Медичи ощущалось дыхание смерти.

Из фонтана, устроенного в самом центре *hortus conclusus*¹, били струи студеной воды: они отскакивали серебристым бисером от бортиков, а на поверхности чаши тут и там появлялась ледяная корочка.

— Ты понимаешь, о чем говоришь?

Козимо был в ярости. Он только что потерял отца, а сейчас вынужден выслушивать нелепые инсинуации о заговоре. Хотя чему удивляться? Отец обладал огромным влиянием, да и врагов себе нажил немало; а Флоренция, всем известно, являла собой гремучую смесь: квинтэссенция величия и власти, с одной стороны, и змеиное логово изменников — с другой, где семействам, имеющим значительные капиталы и влияние, не доставляло большой радости наблюдать за стремительным взлетом человека, которому за каких-то двадцать лет удалось создать целую финансовую империю, чьи банки-филиалы открывались не только во Флоренции, но и в Риме, и в Венеции. Раздражало завистников и то, что отец всегда гордился своим простым происхождением и не желал отказываться от корней; к тому же банк Медичи не только не вступал ни в какие альянсы с влиятельными и знатными семействами, но и предпочитал окружать себя людьми обычными, держась в стороне от политики и высоких должностей. Визиты Джованни в палаццо делла Синьория² можно было перечесть на пальцах одной руки.

Козимо покачал головой. В глубине души он и сам понимал, что предположения брата не беспочвенны. Однако если все обстояло так, как утверждал Лоренцо, то кто мог совер-

¹ Закрытый сад (*лат.*) — обнесенный изгородью сад, символизирующий чистоту и невинность, образ которого восходит к Песни Песней; основной мотив в средневековой иконографии при изображении Мадонны.

² Дворец, построенный в 1299–1324 гг. по проекту Арнольфо ди Камбио. Первоначально назывался палаццо деи Приори, поскольку в нем заседали приоры. В XV веке переименован в палаццо делла Синьория по названию главного административного органа Флорентийской республики. Сейчас называется палаццо Веккьо и является резиденцией муниципалитета Флоренции.

шить подобное злодейство? И самое главное, как случилось, что яд оказался на столе отца? Поискал взглядом светлые, живые глаза брата. Замер на долю секунды, словно позволяя тому прочесть в своих бездонных, черных глазах терзающие его сомнения и призывая говорить.

— Не знаю, верно ли я поступил, поделившись с тобой, — все это по большей части лишь мои догадки, — начал Лоренцо. — И хотя у меня есть только одно доказательство, сомнения не оставляют меня — слишком уж внезапно и стремительно все произошло.

— В этом ты полностью прав. Однако как такое могло случиться? — воскликнул Козимо. — Яд, о котором ты говоришь, в еду мог положить только кто-то из домашних! Отец в последнее время из дому не отлучался, а даже ежели бы и вышел, не стал бы есть или пить вне родных стен.

— Да, я понимаю. Именно по сей причине, повторюсь, все это — лишь мои подозрения. А с другой стороны, врагов у Джованни было предостаточно. И еще: я в самом деле пытался убедить себя, что мои домыслы — сплошное безумие, плод разыгравшегося воображения, однако вот что я нашел.

Лоренцо держал в руках гроздь темных ягод. Крупные, блестящие, они походили на черные жемчужины — соблазнительные и притягательные.

Козимо недоуменно взглянул на брата.

— Красавка, — произнес Лоренцо. — Растение с темными цветками и ядовитыми плодами. Растет в полях, часто рядом с древними развалинами. Однако, как это ни странно, сию гроздь я нашел здесь, в нашем доме.

Открытие потрясло Козимо.

— Ты понимаешь, что означают твои слова? Ведь если это так, получается, человек, вхожий в наш дом, строит козни против семьи Медичи.

— Еще одна причина, дабы держать подозрения при себе.

— Да уж, — согласился Козимо, — возразить нечего, однако сие все равно не помешает нам докопаться до истины, да-

же если истина окажется невыносимо жестокой. Уповаю на то, что подозрения наши несостоятельны, потому как иначе, клянусь, Лоренцо, я своими руками покараю того, кто повинен в смерти отца.

Козимо вздохнул. Ощутил, как нелепо звучат эти пустые угрозы и к тому же порождают в нем столь острое чувство беспомощности и потерянности, что ему едва удавалось с ним справляться.

— Не думаю, что во Флоренции сложно раздобыть подобного рода яд. Ты так не считаешь? — В словах Козимо звучала обеспокоенность, потому как было горько признать, что в их городе лишить кого-то жизни не составляло труда. А учитывая огромное состояние, наследником которого он являлся, впредь ему следовало вести себя вдвойне осторожно.

— У любого мало-мальски толкового аптекаря имеются в запасе ядовитые травы, и приготовить из них снадобье или отвар — пустяковое дело.

Козимо обвел взглядом внутренний двор. Серый, пустынный — совсем как это зимнее утро. Вьющиеся по стенам растения напоминали мрачную, трепещущую на ветру паутину.

— Хорошо, — произнес после недолгого раздумья, — поступим так. Ты проверишь, справедливы ли наши догадки касаясь отравления. Домашних посвящать не будем. Надлежит истребить всякую тень подозрений, либо облечь их достоверность в форму. Если же и впрямь отец умер не своей смертью, я желаю взглянуть в глаза человеку, лишившему его жизни.

— Непременно, брат, я не успокоюсь, покуда этот аспид с человеческим лицом не получит имя.

— Да будет так. Однако надо возвращаться — нас, наверное, уже заждались.

Лоренцо кивнул, и они вошли в дом.

А на сердце тяжелым камнем давило мрачное предчувствие.

Струкул М.

С 87 Медичи. Владыки Флоренции : в 2 кн. : романы / Маттео Струкул ; пер. с ит. С. Воловик, И. Аванесян. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-30135-1

Великая притча эпохи Возрождения, рассказанная через эпическую сагу семьи Медичи, оставившей неизгладимый след в европейской истории. От истоков амбициозного рода банкиров до человека, воплотившего идеалы гуманизма эпохи Ренессанса, и двух великих итальянских королей Франции.

Книга 1. *Вхождение во власть*. Флоренция, 1429 год. Джованни де Медичи создал один из самых могущественных банков мира. После его загадочной смерти сыновья, Козимо, утонченный ценитель искусства и пронырливый политик, и Лоренцо, хладнокровный делец и воин, должны сделать все возможное, чтобы перехитрить врагов и защитить семью. На плечи Козимо ложится ответственность за всю империю Медичи. Он не жалеет средств как ради красоты и величия Флоренции, так и для защиты ее политических интересов.

Тем не менее враги, влиятельные члены городского совета, предводительствуемые Ринальдо дельи Альбицци, и герцог Милана не дремлют. Каждый день братья Медичи сталкиваются с убийствами, предательством и смертельными интригами... Они пытаются найти убийцу своего отца и спасти честь семьи, но смогут ли сами прожить достаточно долго?..

Книга 2. *Великолепный диктатор*. Флоренция, 1469 год. Подготовка к свадьбе Клариче Орсини и Лоренцо де Медичи, внука Козимо, идет полным ходом. Сердце Лоренцо принадлежит Лукреции Донати, но он вынужден заключить династический брак с девушкой из влиятельной римской семьи, чтобы укрепить позиции дома Медичи. Долг и власть превыше счастья. Лоренцо Великолепный становится фактическим правителем Флоренции. Его лучший друг — Леонардо да Винчи. Однако жизнь никогда не бывает простой в смертельно опасном мире флорентийской политики. И вот уже Джироламо Риарио, племянник папы Сикста IV, преуспевает в организации масштабного заговора. На глазах у Лоренцо зверски убит его брат Джулиано. Великолепный диктатор оказывается вовлечен в порочный и кровавый круговорот событий...

Захватывающий цикл исторических романов о самой могущественной семье в Италии XV века для поклонников сериалов «Тюдоры» и «Борджиа».

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

МАТТЕО СТРУКУЛ
МЕДИЧИ
ВЛАДЫКИ ФЛОРЕНЦИИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Антонина Филимонова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 17.02.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-BBH-39298-01-R